

Макс Гублер, швейцарский Ван Гог | Max Gubler, le Van Gogh suisse

Author: Наталья Беглова, [Берн](#), 15.05.2015.



Макс Гублер, Большой ночной интерьер, 1939, масло, холст, 129 x 160 см, Kunstmuseum Solothurn, Max Gubler-Stiftung © Eduard, Ernst und Max Gubler-Stiftung, Zürich

В музее изобразительных искусств Берна проходит крупнейшая за последнее время выставка работ интереснейшего художника, имя которого многие годы мало о чем говорило не только широкой публике, но и специалистам.

Kunstmuseum Bern présente une rétrospective majeure d'un peintre fort intéressant, dont le nom est peu connu au public ainsi qu'aux spécialistes.

Max Gubler, le Van Gogh suisse

Многим знакомы имена швейцарских художников Феликса Валлатона, Фердинанда Ходлера и Макса Эрнста. А вот кто слышал о Максе Гублере? Наверняка, немногие. А ведь начало его карьеры было многообещающим.

Макс Гублер родился в семье, где ценили искусство. Его отец был художником-декоратором, и оба старших брата, Эдуард и Эрнст, также посвятили свою жизнь искусству. Братья часто работали вместе и черпали вдохновение в одних и тех же сюжетах, но очень скоро стало ясно, что наиболее одаренный - самый младший из них.



Макс Гублер приобретает такую известность, что в послевоенные годы становится

едва ли не самым знаменитым швейцарским художником. Что же произошло потом? Почему на долгие годы имя Гублера было забыто не только широкой публикой, но и специалистами в области искусства?

Ответы на эти вопросы можно получить, побывав на выставке, организованной Музеем изобразительных искусств Берна. Первое впечатление: как много перекличек в творчестве Макса Гублера и Ван Гога. Ранние картины Гублера, например, его «Семья за столом» сразу же вызывают в памяти «Едоков картошки» Ван Гога. И по тематике, и по манере исполнения.

И далее при взгляде на его картины часто всплывают в памяти полотна гениального голландца. Вот букет подсолнухов, прямая отсылка к знаменитым «Подсолнухам» Ван Гога. Но насколько трагичнее подсолнухи Гублера раскаленных солнцем цветов Ван Гога. Цветы Макса Гублера будто сделаны из проволоки и железа, до них невозможно дотронуться. Не случайно особенно часто он изображает не подсолнухи, а чертополох – ошестинившийся всеми своими колючками цветок.



Вот «Автопортрет» с мольбертом в руках. Сразу же перед глазами возникает автопортрет Ван Гога в такой же позе. Но рисунок Губера еще более нервен, рван. Портрет не просто гласит, а вопиет о неприкаянности и страдании. Художнику удивительно удастся передать боль и ужас, владеющие его душой. Тоже происходит и на картинах Ван Гога.

Страдание объединяет не только творчество этих двух художников, живших в разных странах в разные эпохи. Оно объединяет их и в жизни. Оба не смогли справиться с тем ужасом, который охватывал их, едва они отрывались от полотна. В итоге оба оказались в психиатрической лечебнице, где и закончили свою жизнь. Правда, Ван Гог покончил жизнь самоубийством, а Гублер умер своей смертью. И еще одна значительная разница состоит в том, что рядом с Ван Гогом были люди, ценившие его творчество даже тогда, когда он оказался в больнице, и которые сделали все, чтобы и после смерти он не был забыт.

В этом смысле Макс Гублеру повезло гораздо меньше. Когда он оказался в психиатрической лечебнице, на нем было поставлено клеймо «сумасшедшего», а все его творчество объявлено результатом больной психики. А ведь он провел в больнице лишь несколько последних лет жизни. Его родственники спрятали под замок большинство работ, созданных в 1958-1961 годах, в период его болезни.



Постепенно о Максе Гублере все забыли, и его имя лишь изредка всплывало в среде специалистов, когда речь заходила о течении Art brut. На русский этот термин чаще всего переводится как грубое, необработанное искусство. Придуманый французским художником Жаном Дюбюффе, он используется для характеристики

творчества непрофессиональных художников, часто душевнобольных, инвалидов. Но в случае с Максом Гублером это было не отсутствие профессионализма, а эволюция художника, обладавшего большим мастерством, к простоте, граничащей с примитивностью. Это был сознательно выбранный путь. Он роднит Гублера с еще одним швейцарским художником, которого также часто относят к представителям течения *art brut* – с Луи Суттером. Разница в том, что у Гублера путь к *art brut* занял гораздо больше времени.

Творчество Макса Гублера можно довольно легко разбить на периоды, когда в его живописи довольно четко прослеживалось влияние той или иной школы. За свой творческий путь он вдохновлялся творческой манерой весьма различных художников и школ. Так, на начальном этапе в его работах, также как и в работах Ван Гога, вы увидите влияние Сезанна. Он еще не совсем отошел от реалистической манеры письма, но уже склонялся к кубизму и постимпрессионизму. Многие предвоенные полотна Макса Губера написаны под явным воздействием голубого периода Пикассо.

Чуть позже художник явно подпал под очарование экспрессионизма и даже фовизма, который характеризует динамичность мазка, яркость красок и простота линий. Смотришь на такие его вещи и вспоминаешь полотна Андре Дерена, Альбера Марке, Мориса Вламинка. И наконец, когда видишь некоторые послевоенные вещи, перед глазами всплывают картины Кандинского.



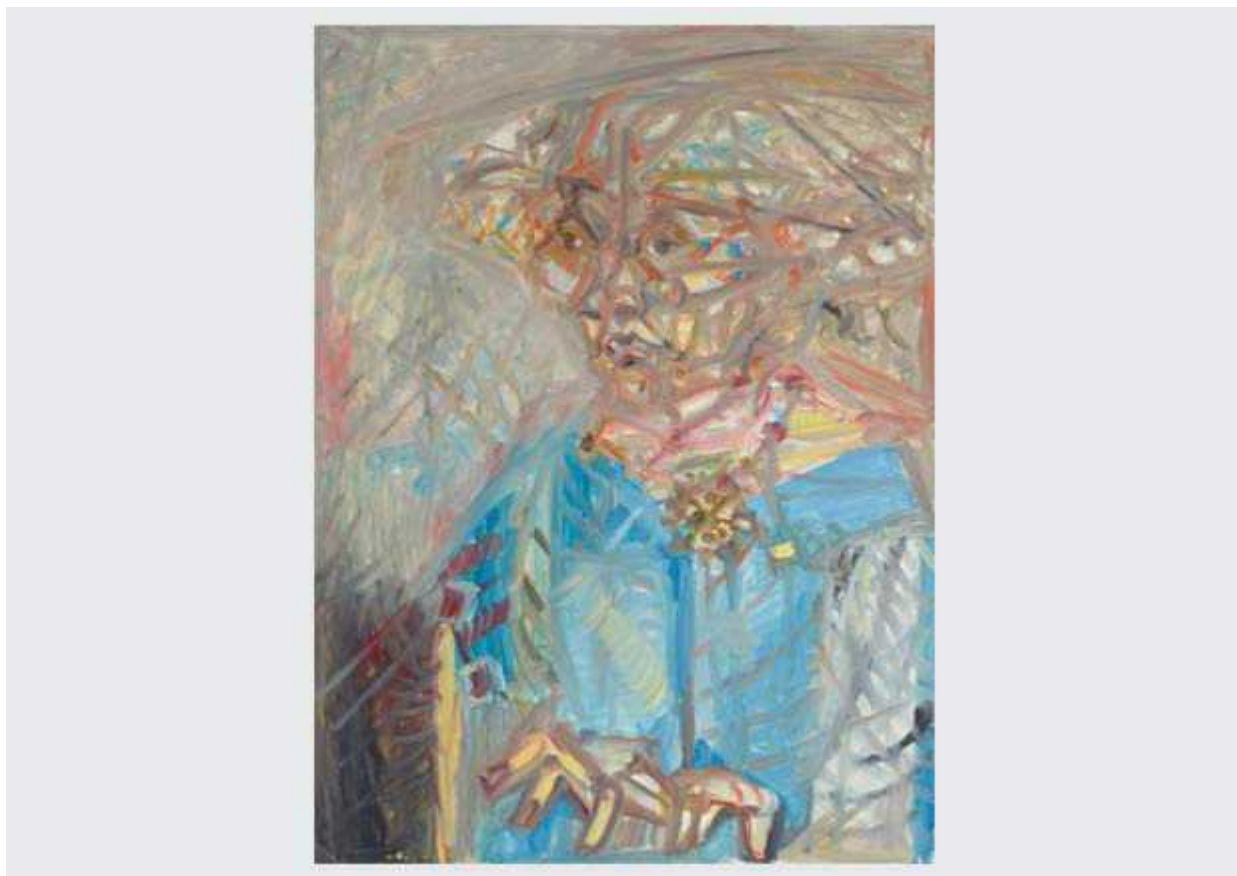
Все эти поиски привели к тому, что Макс Губеру удалось выработать свой стиль, свою манеру письма, отличную от других. Для его позднего периода характерна такая эмоциональная сила, резкость и динамизм линий, что его картины сразу можно узнать, заходя в зал, где представлены различные художники.

Не только манера письма отличает Макса Гублера от многих современных ему художников, но и тематика его полотен. Она чрезвычайно ограничена. Он брал сюжет и потом на протяжении всей своей жизни вновь и вновь к нему обращался. Это позволило организаторам выставки в Берне представить его картины не по хронологическому принципу, а по тематическому. Есть зал, где выставлены автопортреты художника, зал натюрмортов, зал пейзажей. Интересно отметить, что в свой ранний период, когда Макс Гублер жил в Цюрихе, он написал очень много картин «на тему» психиатрического госпиталя Бюргхользли (Burghölzli), находившегося недалеко от его дома. Неужели он чувствовал, что спустя десятилетия именно в этой больнице он закончит свою жизнь?

Самой любимой темой Макса Гублера был женский портрет. Вы скажете, что же здесь удивительного? Это типично для многих художников. Да, но знаете ли вы другого художника, который всю жизнь рисовал лишь одну женщину?

По приблизительным подсчетам Макс Гублер написал около 300 портретов своей

жены Марии. Она появляется на его полотнах в образе юной девушки, зрелой матроны, старухи. С нее он писал ангелов, мадонн, и даже мальчики смотрят на нас с полотен Гублера глазами Марии. Для него были важны не черты ее лица - на многих поздних картинах она совершенно неузнаваема, но эмоция, страсть, которую он пытался выразить. Гублер мог бы повторить слова Анри Матисса, лидера направления фовистов, который как-то сказал: «Я рисую не женщин; я рисую картины». Но это не совсем соответствовало бы действительности. Все-таки Макс Гублер, в отличие от Матисса, рисовал именно Марию. Она была его женой, его моделью и, главное, его музой. После смерти Марии в 1960 году Макс Гублер больше никогда не притрагивался к кисти.



Выставка в Берне - крупнейшая за последние несколько десятилетий экспозиция работ художника. Предыдущая прошла в 1998 году в музее небольшого швейцарского городка Шаффхаузен. Нынешняя выставка посвящена Рут и Ханс-Рудольфу Кул (Ruth et Hans-Rudolf Kull). Почему? Дело в том, что эти люди всегда были равнодушны к судьбе и творчеству Макса Гублера. Если, как я уже писала, семья на долгие годы спрятала под замок все картины художника, относившиеся к мрачному периоду его жизни, то сестра и брат Кул собирали и бережно хранили картины художника, в том числе и относящиеся к этому времени. В 2010 году они передали свою коллекцию в дар музею в Берне, что и позволило сегодня организовать эту экспозицию.

Кто-то заметит: «Возможно, правы родственники. Макс Гублер - просто сумасшедший и его картины - плод больного воображения». Тема того, что такое больное и «нормальное» воображение и какую роль то и другое играет в творчестве, чрезвычайно сложная, и мы не сможем разрешить ее сегодня. Приведу лишь один пример. В конце 1960-х годов, занимаясь в Школе юных искусствоведов при Музее Искусств имени Пушкина в Москве, я решила изучать творчество Ван Гога. Мой

преподаватель, научный сотрудник музея, пытаюсь отговорить меня от занятий творчеством тогда совсем еще не столь популярного художника, в качестве последнего аргумента заявил: « И зачем тебе изучать его? Он просто сумасшедший, и этим все сказано!» Интересно, что сказал бы этот искусствовед, если бы дожил до сегодняшнего дня? Уже не картины Ван Гога воспринимаются как произведения больного человека, а те люди, которые платят совершенно сумасшедшие цены – десятки миллионов долларов - за то, чтобы получить во владение хотя бы один из его шедевров! Не будем утверждать, что творчество Макса Гублера равноценно творчеству Ван Гога, который был и остается на небосклоне живописи звездой той величины, которая вспыхивает один раз за сотню лет. Но то, что Гублер, безусловно, интересный и заслуживающий внимания художник, очевидно.

От редакции: Выставка продлится до 2 августа. Дополнительную информацию можно получить на [сайте](#) музея.

[Ван Гог](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/culture/maks-gubler-shveycarskiy-van-gog>